

УДК 82-95

Б.М. ЭЙХЕНБАУМ О РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ (по материалам статей и исследований 1910-х – первой половины 1920-х годов)

МОЛЧАНОВА Наталья Александровна,
доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье дается анализ работ Эйхенбаума о русском символизме и особенностях эстетической концепции ученого в 10-е – 20-е годы XX в.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский символизм, поэзия Брюсова в оценке ученого, рецензия на книгу Бальмонта.

MOLCHANOVA N.A.,
Dr. Philolog. Sci., Professor,
Voronezh State University

B.M. EICHENBAUM ON THE RUSSIAN SYMBOLISM (in his articles and research of 1910 – early 1920)

ABSTRACT. In the article the analysis of Eichenbaum's works on the Russian symbolism and aesthetic features of the scholar's concept in 1910-1920's of the XX century is presented.

KEY WORDS: Russian symbolism, the scholar's view on Bryusov's poetry, review of Balmont's book.

Б. М. Эйхенбаум начал формироваться как исследователь литературы и как литературный критик в середине 1910-х годов, он органично принадлежал к тому поколению литературоведов, для которого были весьма значимы «заветы символизма». Хорошо известно, что в самом символизме 1910-х годов отчетливо проявилось тяготение к филологическому осмыслению накопленного творческого опыта. Б.М. Эйхенбаум имел все основания написать в 1921 году в статье «Судьба Блока»: «...исторические наши судьбы внутренне связаны с символизмом как принципом духовной культуры» [1, с. 357]. Поэтому, стремясь в молодости выработать, говоря его словами, «гносеологически обоснованную эстетику» [2, с. 15], Эйхенбаум, безусловно, учитывал и переосмыслял работы теоретиков символизма (Вяч. Иванова, А. Белого, В. Брюсова), а в своих первых критических статьях нередко обращался к поэтическому творчеству русских символистов.

Одна из ранних рецензий, написанных девятнадцатилетним критиком, была посвящена поэзии В. Брюсова и приурочена к выходу в свет III и IV томов его «Полного собрания сочинений» в издательстве «Сириус» в 1914 г. (сюда вошли книги «Urbi et Orbis» и «Stephanos»). Эта рецензия опубликована в журнале «Северные записки», № 4 за 1915 год. Главная проблема, волновавшая тогда Б.М. Эйхенбаума, – размышления о природе художественного познания мира. В ее аспекте им и рассматривались вершинные книги мэтра символизма. Основной пафос брюсовского творчества молодой критик видит в том, что поэт «любит немислимое знание» [2, с. 322], его поэзия «часто восходит к философии», в частности к философии Канта. В то же время Брюсов не наделен даром пророка, высшее знание ему недоступно, вследствие чего он обречен на «обескрыленность» и постоянную «тоску духа» [там же].

Традицию восприятия поэта как пророка в русской литературе Б.М. Эйхенбаум ведет от Пушкина и Веневитинова. Конечно, он знаком с работами Вяч. Иванова, с его знаменитым тезисом «*a realibus ad realiora*», с теоретическими выступлениями других символистов, по-разному осознававших в 1910-е годы кризис своего мировидения и творческого метода. Однако в напряженных раздумьях о сущности художественного познания ранний Б.М. Эйхенбаум ближе всего соприкасается не с теургическими теориями символистов, а с идеями Семена Мюдингвича Франка о «живом знании», развиваемыми им в книге «Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания» (СПб., 1915). По С.Л. Франку «живое знание» воспринимает «бытие как единство идеальности и реальности, мыслимости и переживаемости» [3]. Б.М. Эйхенбаум был хорошо знаком с трудами Франка, чуть позднее начал сотрудничать с ним в журнале «Русская мысль». Именно в духе «живого знания» трактуется критиком традиция поэта-пророка в русской литературе. По мнению Б.М. Эйхенбаума, эта традиция была обоснована русским декадансом. Отсюда следуют такие оценки поэзии Брюсова: «Муза Брюсова – трагическая Дева незнания и сомнения, которая вечно повторяет свое “*ignoramus*”, «мир Брюсова – призрачный, ложный, неверный» [1, с. 322].

В завершающей части рецензии проводится сопоставление поэзии Брюсова и Бальмонта; их довольно часто сравнивали современники, причем чаще всего отдавали предпочтение бальмонттовскому творчеству как более искреннему и непосредственному. Молодой критик полагает, что «Бальмонт только кажется большим поэтом, чем Брюсов» [1, с. 323]. С точки зрения Б.М. Эйхенбаума, «они оба... – не пророки... Бальмонт наивен, ему не до Канта, он тоже не знает, но этого не сознает, веря, как знахарь, в колдовскую силу слова» [там же].

Некоторые суждения будущего ученого (Бом)» характере философичности Брюсовской поэзии перекликаются с оценками Ю. Тынянова, определявшего творческий метод Брюсова как «рационализм смутного». Впоследствии они получают развитие в работах ученика Б.М. Эйхенбаума по Ленинградскому университету Д.Е. Максимова, будущего автора монографии «Брюсов. Поэзия и позиция» (Л., 1969). А линию сопоставления «Брюсов – Бальмонт» много лет спустя продолжит другой питерский литературовед А.А. Нинов в документальной повести «Так жили поэты» (Нева, 1978, № 6, 7; 1984, № 10).

К 1916 году относится короткая рецензия Б.М. Эйхенбаума на книгу К.Д. Бальмонта «Поэзия как волшебство», опубликованная в журнале «Русская мысль». Следует заметить, что бальмонтская книга была написана как запоздалый символистский трактат, но, выраженный поэтически-метафорическим языком, он трудно поддавался логическому истолкованию. Об этом хорошо сказал в рецензии после его выхода в свет В. Ходасевич: «Эту небольшую книжку, неоднократно прочитанную автором публичке, менее всего можно назвать исследованием о природе поэзии. Она сама должна быть причислена к созданиям поэтическим <...>. Она сама по себе лирика» («Русские ведомости», 1916 (6 января)).

Тем не менее основные положения книги, схематизируя, можно изложить так [4]. Мир, будучи двойственным, нуждается в преображении и совершенствовании, и это делает Бог, в том числе через человека-поэта. Оба – и Бог, и поэт-творец создают красоту. Особая роль в творческом акте принадлежит музыке, поскольку она ближе к первоосновам бытия, – в ней есть колдовская, чарующая сила. Музыка реализуется в поэзии, в размеренной стихотворной речи. «Мир есть всегласная музыка. Весь мир есть изваянный стих» [5]. Музыка и слово взаимосвязаны, природно слиты воедино и онтологически восходят к первотворению. Фолика, звуковая сторона слова в стихе тяготеет к первобытной музыкальной стихии. Отсюда стремление Бальмонта разобраться в функциональной направленности гласных и согласных звуков в стихе. Он подчеркивает магический, заклинательный характер поэзии и большую роль в этом звуков.

После выхода книги «Поэзия как волшебство» часто раздавались обвинения Бальмонта в том, что он не различает звук и букву [6]. Если внимательно вчитаться в текст, то подобного вульгарного понимания у поэта нет, он пытается выявить содержательный смысл звуков. С таких позиций и рассматривал книгу Б.М. Эйхенбаум. Рецензируя трактат Бальмонта, он писал: «Перед нами своеобразная “ars poetica”, построенная на некоторой филологической гипотезе – о том, что звуковая сторона слова не случайна, а есть “проявление закона, действующего неукоснительно» [1, с. 324]. Сочувственно излагая основной смысл бальмонтской книги, критик в то же время указывал на опасность «культула звука и буквы вне слова как целого организма» [там же], он призывал не смешивать чудо слова и «волшебничество», отмечал, что в интерпретации Бальмонта поклонение слову нередко превращается в «идолопоклонство» [1, с. 325].

Звуковая сторона стиха серьезно интересовала Б.М. Эйхенбаума, в том же 1916 году она явилась предметом анализа в статье «К вопросу о звуках стиха». Характерно, что «родоначальником» совре-

• *Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении*

А. Белого, автора статьи о четырехстопном ямбе и статьи «Магия слов», вошедших в его книгу «Символизм» (1910). В книге Дж. Кертиса «Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература» приводится любопытное письмо Б.М. Эйхенбаума родным от 4 мая 1910 года, в котором содержался восторженный отзыв об этой книге: «На днях вышла необыкновенно интересная книга статей Андрея Белого – я купил ее и положительно поглощен ею. Главное содержание книги – анализ стихотворного ритма. <...> Это чуть ли не первая настоящая книга по теории слова на русском языке, и я не сомневаюсь, что она сделает эпоху» [7]. В статье «К вопросу о звуках языка» ученый пронизательно отметил преемственную связь «словотворчества» футуристов, с одной стороны, с «наследием символизма», с другой – с деятельностью «кружка, выступившего недавно с первым “Сборником по теории поэтического языка”» [1, с. 326], т.е. с идеями ОПОЯЗа, в частности с работами В. Шкловского, Л.П. Якубинского и др.

Поворот от философской критики к изучению вопросов поэтики, к «проблемам конкретным», наметившийся в статье «К вопросу о звуках языка» явственно обозначился в собственно «опоязовских» работах Б.М. Эйхенбаума «О художественном слове» (1917) и «Речь о критике» (1918). В последней статье он подчеркивал: «Я верю.., что у нас скоро будет новая критика и новая история литературы» [1, с. 328]. На рубеже 1910-х – 1920-х годов опыт символизма «как принципа духовной культуры» уже мало актуален для ученого, обосновывающего «теорию формального метода». Правда, в своей знаменитой книге «Мелодика русского лирического стиха» (Пб., 1922), выделяя эпохи в истории литературы, когда «музыкальный синкретизм чувств становится идеалом для поэзии» [8], Б.М. Эйхенбаум вслед за немецкими и русскими романтиками называет символистов (А. Блока, А. Белого, К. Бальмонта).

Самой значимой фигурой в русском символизме для Эйхенбаума является, конечно, Александр Блок. Откликнувшись в октябре 1921 года на смерть поэта статьей-речью «Судьба Блока», прочитанной на вечер памяти Блока в Доме литераторов, он закономерно связывает смерть «самого сильного властителя» дум своего поколения с «судьбой всего символизма, изживающего себя среди ужасов нашего железного века» [1, с. 357]. Б.М. Эйхенбаум подчеркивает, что после революции писатели второго поколения символистов, «смотревшие на себя как на миссионеров, как на провозвестников новой истины и на искусство свое как на мистическое ей служение» [там же] с небывалой остротой переживают «свой моральный кризис, свою трагическую катастрофу» [1, с. 356]. Эта «катастрофа» была подготовлена ранее «изнутри». Еще в начале 1910-х годов «в недрах самого символизма, из уст самого Блока, явилось осуждение ему как принципу духовной культуры...» [1, с. 360]. Теперь наступило «Возмездие Истории». «Искусство потребовало освобождения от символики смыслов. Вещи взбунтовались – захотели одеться плотью и быть ощущаемыми» – пишет Б.М. Эйхенбаум [1, с. 359].

Трагическое сознание «неслиянности и нераздельности всего», к которому пришел зрелый А. Блок, по мнению ученого, оказалось роковым для него. Поэма «Двенадцать» трактуется Б.М. Эйхенбаумом как отчаянная попытка преодолеть бло-

ковское сознание «неслиянности искусства, жизни и политики, найти между ними новую мисс. Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении и лингвистике» [1, с. 362]. Анализируя лирику Блока, ученый не использует введенный в том же 1921 году Ю. Тыняновым термин «лирический герой», однако прекрасно чувствует «игровое» начало творчества поэта. «Он умер зрелым мужем, но в представлении нашем навсегда остался юношей. Представить себе Блока старым так же трудно нам, как Толстого представить юношей. И это не случайно. Герои трагедий живут перед нашими глазами один день или несколько дней и гибнут, не успев состариться. Таков закон трагической формы» [1, с. 355].

Вопрос о судьбах русского символизма затрагивается еще в нескольких историко-литературных исследованиях Б.М. Эйхенбаума первой половины 1920-х годов. Наибольшую известность получила его работа о поэзии Анны Ахматовой («Анна Ахматова. Опыт анализа», Пб., 1923). В ней ученый как бы выносит «окончательный приговор» символистской эстетике: «Поэзия символистов осталась позади. О Бальмонте говорить сейчас невозможно, о Блоке – уже трудно» [9, с. 374]. В то же время Б.М. Эйхенбаум вступает в полемику с главным тезисом, провозглашенным в названии статьи В.М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» (опубликована в журнале «Русская мысль», 1916, кн. 12). С его точки зрения, «считать акмеизм началом нового поэтического направления, новой школой, преодолевшей символизм, неправильно» [9, с. 381]. Акмеизм, в истолковании Эйхенбаума, – это «последнее слово модернизма», так как в нем «сохранилась эстетическая позиция – то, с чего началось само движение (символизма – Н.М.) и от чего оно потом отклонилось, увлекшись религиозно-философским обоснованием своих художественных тенденций» [9, с. 382]. Действительное «преодоление символизма», по мнению ученого, было осуществлено футуристами. Однако «в их руках русский стих подвергся такому превращению, что развитие его в ближайшее время сомнительно», – размышляет ученый [там же]. Он приходит к выводу, что после высшего взлета поэзии в творчестве Ахматовой и Мандельштама ей «суждены годы келейного развития и накопления новых сил», так как само «стиховое начало ослабевает – намечается путь к развитию прозы» [там же].

Симптоматично, что в 1926 году Б.М. Эйхенбаум, годом ранее написавший серьезную работу о традициях сказа Лескова в современной прозе, откликнется сочувственной рецензией на выход в свет романа А. Белого «Москва», оценив его как подлинно новаторское произведение: «Это уже не “орнаментальная проза” – это совершенно особый сло-

весный план, это своего рода выход за пределы словесного искусства» [1, с. 362].

В феврале 1924 года литературной общественностью Петрограда отмечалось 60-летие Ф. Сологуба, и Эйхенбаум обдумывает свою речь к юбилейному чествованию писателя в Александрийском театре: «О Сологубе надо сказать что-то вроде того, что он единственный из того поколения сохранился – перехитрил историю» [1, с. 508]. Эта речь, вскоре опубликованная как газетная статья («Жизнь искусства», 1924 (19 февраля), № 8), была посвящена поэзии Ф. Сологуба. Творческая судьба Ф. Сологуба воспринималась ученым как антиномичная по отношению к А. Блоку. Блок – «бурный юноша», бросившийся в «испепеляющее пламя своей эпохи и погибший вместе с нею, Сологуб – зрелый поэт, начавший свой путь «среди предраусветного сумрака и тишины», идущий «медленно и осторожно», сохранивший «свои силы до самого вечера жизни» [1, с. 369]. Почти через пятьдесят лет, в 1972 году, рассуждения Б.М. Эйхенбаума о двух типах поэтов по-новому переосмыслит Д.Е. Максимов в работе «Идея пути в поэтическом сознании А. Блока» [10], разделив понимание категории творческого пути на «непрерывное движение» и постепенно углубление «позиции».

Творческий путь Сологуба по своей «исторической приемственности» соотносится в речи-статье Б.М. Эйхенбаума с судьбой Жуковского и Фета, причем даже «круглым» датам их юбилеев ученый придает «тайный смысл». Вместе с тем он подчеркивает, что традиции, идущие от русской поэзии XIX века, в лирике Ф. Сологуба «отравлены новым алкоголем», «связаны в какой-то новый узел» [1, с. 373]. В трактовке Б.М. Эйхенбаума, сопряжение «противоположностей – высокого пафоса и иронии благостного приятия мира и злобного отвержения его» в творчестве Сологуба обусловлено не «двойственностью» мировосприятия поэта, а его осознанным стремлением к слиянию противоположностей. Таким образом, Ф. Сологуб по-своему воплотил тенденцию, общую для всего русского символизма: «Русская поэзия обрела новую область выражения – интимное стало всемирным» [1, с. 374].

Следует признать, что по сравнению с поэзией А. Блока, В. Брюсова, А. Белого лирика Ф. Сологуба до сих пор недостаточно изучена, поэтому многие положения юбилейной речи-статьи Б.М. Эйхенбаума не потеряли актуальности и в наши дни. Этот вывод может быть распространен и на другие исследования ученого о русском символизме.

К сожалению, далеко не все из них переизданы и оказались в поле нашего зрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Эйхенбаум Б.М. О литературе / Б.М. Эйхенбаум. – М., 1987.
2. Чудакова М.О. Наследие и путь Б. Эйхенбаума / М.О. Чудакова, Е.А. Тодес // Эйхенбаум Б.М. О литературе. – М., 1987.
3. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека / С.Л. Франк. – СПб., 1995. – С. 352.
4. Беренштейн Е.П. «Поэзия как волшебство» в системе эстетических представлений К.Д. Бальмонта / Е.П. Беренштейн // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. – Иваново, 1996. – Вып. 2.
5. Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство / К.Д. Бальмонт. – М., 1916. – С. 6.
6. Артюшков А. Звук и стих / А. Артюшков. – Пг., 1923. – С. 6–7.

7. Кертис Дж. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Дж. Кертис. – СПб., 2004. – С. 285–286. • *Научное наследие Б.М. Эйхенбаума в современном литературоведении*
8. Эйхенбаум Б.М. Мелодика русского лирического стиха / Б.М. Эйхенбаум. – Петербург, 1922. – С. 20.
9. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии : сборник статей / Б. Эйхенбаум. – Л., 1986. – С. 374.
10. Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока / Д.Е. Максимов // Блоковский сборник : тр. II науч. конф., посвященной изучению жизни и творчества А.А. Блока. – Тарту : Тарт. гос. ун-т, 1972. – С. 25–121.